

Петрова Елена Серафимовна, Токарева Ольга Владимировна

КАТЕГОРИИ ОДУШЕВЛЕННОСТИ / НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ И ГЕНДЕРА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ, СВОЙСТВА ИНТЕРПРЕТАТИВНОСТИ И РАЗМЫТОСТИ

В статье анализируется функционирование категорий одушевленности / неодушевленности и гендера в современном английском языке с точки зрения средств и форм их выражения. Отсутствие четких границ между классами слов, маркированных значениями одушевленности и/или гендера, и вариативное маркирование существительных данными значениями в зависимости от стилистической или прагматической установки говорящего, а также от его социокультурных характеристик, позволяют сделать вывод о наличии у категорий одушевленности и гендера таких свойств, как интерпретативность и размытость.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/3-1/45.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 3(81). Ч. 1. С. 168-172. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.111

В статье анализируется функционирование категорий одушевленности / неодушевленности и гендера в современном английском языке с точки зрения средств и форм их выражения. Отсутствие четких границ между классами слов, маркированных значениями одушевленности и/или гендера, и вариативное маркирование существительных данными значениями в зависимости от стилистической или прагматической установки говорящего, а также от его социокультурных характеристик, позволяют сделать вывод о наличии у категорий одушевленности и гендера таких свойств, как интерпретативность и размытость.

Ключевые слова и фразы: английский язык; одушевленность; гендер; норма; узус; интерпретация; персонификация.

Петрова Елена Серафимовна, к. филол. н., доцент

Токарева Ольга Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет

saint-petelena@mail.ru; ov-tokareva@mail.ru

КАТЕГОРИИ ОДУШЕВЛЕННОСТИ / НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ И ГЕНДЕРА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ, СВОЙСТВА ИНТЕРПРЕТАТИВНОСТИ И РАЗМЫТОСТИ

1. Категория одушевленности

Традиционно считается, что категория одушевленности / неодушевленности отражает разделение человеком окружающего мира по принципу бинарной оппозиции на живое и неживое [7, с. 342] и имеет лексические и грамматические средства выражения. Например, существительные, занимающие позицию прямого дополнения, во многих языках приобретают падежное окончание в зависимости от их принадлежности к классу одушевленных или же неодушевленных существительных (*вижу дом* – (формы И.п. и В.п. совпадают), но *вижу человека*) [16]. Однако данная категория может иметь и другие формы выражения, как это происходит в английском языке, а именно – проявляться через сочетаемость существительных с местоимениями *he/she* или *it*, оказываясь тесно связанной с категорией гендера. Кроме того, в английском языке существует целый ряд других способов выражения категории одушевленности / неодушевленности.

Помимо гендерных местоимений *he/she* и их производных, одушевленными являются местоимения первого и второго лица, традиционно обозначающие говорящего и адресата сообщения. Кроме того, сему одушевленности в своем значении несут неопределенные местоимения, содержащие в себе компоненты *-body* или *-one*, неопределенное местоимение *one* и его производное *oneself*, а также вопросительное и относительное местоимение *who*. Следует отметить, что притяжательная форма *whose* не ограничена в сочетаемости по признаку одушевленности / неодушевленности.

Абсолютные притяжательные местоимения (*mine, theirs* и др.) соотносятся исключительно с обозначениями одушевленных существностей [10, р. 173]. Указательные местоимения демонстрируют избирательность с точки зрения категории одушевленности. Так, например, независимые местоимения *this* и *that* не используются для отсылки к одушевленному существительному (*those who obtain a score of 90% will win a prize*, но **that who obtains the highest score will win a prize* [19, р. 1504] (*тот, кто покажет результат 90%, получит приз*) (здесь и далее перевод авторов статьи. – Е. П., О. Т.) (* – недопустимое использование)). Исключения составляют те случаи, когда данные местоимения выступают в качестве подлежащего перед глаголом *be* (*this is my husband, Peter* [Ibidem, р. 1505] (*это мой муж, Питер*)).

Английский язык обладает рядом морфологических средств выражения значения одушевленности, а именно – различными суффиксами и полуаффиксами (*-er, -or, -ar, -ee, -ite, -ess, -ian, -ent, -man, -boy, -woman, -girl* и др.). Кроме того, сема одушевленности может присутствовать в существительном, но не иметь морфологического выражения (например, *child* (ребенок), *son* (сын), *friend* (друг)).

Сема одушевленности содержится не только в значениях существительных и местоимений. Например, маркированностью по признаку одушевленности обладают два набора степеней сравнения прилагательного *old* (старый) (*older – the oldest* и *elder – the eldest*) [10, р. 172].

На уровне синтаксиса значение одушевленности проявляется в английских медиопассивных конструкциях (*the novel sells well* (роман хорошо продается)), подразумевающих наличие некоторого исполнителя действия [Там же, р. 173]. Кроме того, значение одушевленности накладывает определенное ограничение на построение предложений с двумя местоимениями в позициях прямого и косвенного дополнения (*give it to me* (дай ее/его мне), но не **give me it*).

Традиционно считается, что одушевленные существительные характеризуются большей склонностью к образованию притяжательных конструкций с так называемым формантом *'s* по сравнению с неодушевленными существительными. Например, вариант *Mary's green eyes* (Зеленые глаза Мэри) является более предпочтительным, чем притяжательная конструкция с предлогом *of* (*the green eyes of Mary* [19, р. 477] (Зеленые глаза Мэри)). Однако существует целый ряд факторов, способных повлиять на выбор формы притяжательной

конструкции, а именно т.н. «правило тяжелого конца», принадлежность существительного к определенной семантической группе, релевантность, тематичность, фонетическое окружение, регистр речи и др.

«Правило тяжелого конца» (the end-weight rule) гласит, что длинные цепочки зависимых элементов имеют тенденцию тяготеть к конечной позиции английского предложения. Например, словосочетание *the creations of a relatively young designer from Italy* (работы сравнительно молодого дизайнера из Италии) является более естественным для английского языка, чем словосочетание *a relatively young designer from Italy's creations* [Ibidem, p. 484] (работы сравнительно молодого дизайнера из Италии). В недавно проведенном исследовании было выявлено, что выбор в пользу конструкции с предлогом *of* делается в тех случаях, когда словосочетание, обозначающее посессора, состоит из четырех или более слов [24, p. 231].

Кроме того, из общего правила образования притяжательных форм выбиваются существительные локативной и темпоративной семантики. Например, словосочетаниям *October's weather* (октябрьская погода) и *London's pubs* (лондонские пабы) отдается большее предпочтение по сравнению со словосочетаниями *the weather of October* (погода октября) и *the pubs of London* [19, p. 477] (пабы Лондона). Существует точка зрения, согласно которой тяга существительных локативной семантики к образованию притяжательной формы с помощью форманта *'s* вызвана метонимической связью в сознании носителей языка по принципу «место – человек» [21, p. 173].

Релевантность посессора по отношению к тематике высказывания также способна повлиять на выбор притяжательной формы. Например, вероятность увидеть словосочетание *the wine's colour* (цвет вина) в книге, посвященной вину, выше, чем в книге на любую другую тематику [24, p. 232].

Тематичность посессора (наличие предшествующего упоминания в тексте) повышает вероятность использования форманта *'s* в притяжательных конструкциях, как это произошло в следующем примере:

The explosion sent the hood of the car flying over the roof of the house. <...> It was first believed the bomb was rigged to the car's starter [18]. / В результате взрыва капот машины перелетел через крышу дома. <...> Сначала полагали, что бомба была прикреплена к стартеру машины.

Для английского языка характерно ритмичное ударение с равномерным чередованием ударных и безударных слогов. Эта особенность может повлиять на выбор той или иной притяжательной формы. Например, отмечается, что словосочетание *the laws of God* (законы Бога) является более предпочтительным, чем словосочетание *God's laws* (Божьи законы), поскольку в первом случае два ударных слога разделены безударным слогом [24, p. 232].

Кроме того, в английском языке действует принцип *horror aequi* («боязнь подобного»), распространяющийся не только на грамматику [11, с. 109], но и на фонетику. Исследователи отмечают, что если слово, обозначающее посессора, оканчивается на шипящий согласный, то оно с большей степенью вероятности будет образовывать притяжательную форму с помощью предлога *of* (например, *the sad and angry side of Bush* вместо *Bush's sad and angry side* [18] (мрачная и обозленная сторона Буша)).

В поэтической речи формант *'s* оформляет притяжательные формы абстрактных существительных (*music's voice* (голос музыки); *life's joys* (радости жизни)). Кроме того, ряд устойчивых словосочетаний с неодушевленными существительными содержат в себе формант *'s* (*within a stone's throw* (в двух шагах); *at one's wit's end* (в растерянности); *to one's heart's content* (сколько душе угодно); *for convenience's sake* (для удобства)) [5, с. 10].

Возможность соотнесения существительного с тем или иным типом местоимения лежит в основе нескольких классификаций существительных английского языка. Довольно распространено выделение трех классов существительных, а именно: класса людей (сочетаемость членов класса ограничена местоимениями *he/she*), класса животных (сочетаемость членов класса выборочна и зависит от установки говорящего) и класса неживых / неодушевленных предметов (сочетаемость членов класса ограничена местоимением *it*) [16].

Подобная классификация не учитывает ряда особенностей английских существительных. Например, класс животных характеризуется неоднородностью и делится на подклассы высших и низших животных. Представители первого класса потенциально способны обозначаться с помощью одушевленных местоимений *he* и *she*, особенно в тех случаях, когда акцент на гендерной принадлежности является релевантным для определенного высказывания. Представители второго класса обычно обозначаются с помощью неодушевленного местоимения *it* [Ibidem]. В связи с этими, а также другими особенностями английских существительных, были разработаны более подробные классификации. Одной из них является система согласовательных классов, представленная в грамматике *A Comprehensive Grammar of the English Language* [23, p. 314] и основанная на сочетаемости тех или иных существительных с местоимениями *he, she, it, who* и *which*. Данная система включает в себя следующие классы существительных: 1) мужской (*brother* (брат)); 2) женский (*sister* (сестра)); 3) двойственный (*doctor* (врач)); 4) общий (*baby* (ребенок)); 5) собирательный (*family* (семья)), 6) высшие животные мужского пола (*bull* (бык)); 7) высшие животные женского пола (*cow* (корова)); 8) низшие животные (*ant* (муравей)); 9) неодушевленный (*box* (коробка)).

Некоторые исследователи выделяют классы существительных на основании их поведения в тех или иных синтаксических структурах (притяжательных формах, согласованиях с глаголом по единственному или множественному числу). Например, в одном исследовании выделяются следующие классы: 1) люди; 2) организации; 3) животные; 4) «умные» механизмы; 5) транспортные средства; 6) прочие конкретные имена существительные; 7) обозначения места; 8) обозначения времени; 9) прочие абстрактные имена существительные [26].

Наличие целого ряда классификаций существительных свидетельствует о том, что категория одушевленности / неодушевленности в английском языке характеризуется размытостью. Кроме того, для нее характерна

интерпретативность, а именно – способность выступать объектом интерпретации. Согласно определению Н. Н. Болдырева, интерпретация представляет собой определенный вид познавательной активности, процесс и результаты понимания и объяснения человеком мира и себя в этом мире на основании существующих общечеловеческих представлений о мире и его личном опыте взаимодействия с ним [3, с. 43]. Н. Н. Болдырев выделяет два вида интерпретации – первичную и вторичную [2, с. 9]. Первичная (или объективная) интерпретация является коллективным видением мира, в то время как вторичная интерпретация представляет собой интерпретацию коллективных знаний в индивидуальной концептуальной системе конкретного человека. Отмечается, что вторичная интерпретация проявляется преимущественно в системе модусных категорий и функциональном варьировании языковых единиц и категорий разных уровней (отрицание, аппроксимация, экспрессивность, тональность, определенность-неопределенность, эвиденциальность, оценочные концепты и категории) [Там же, с. 10]. Мы считаем, что проявления в различных регистрах речи персонификации (языкового выражения сопоставления неживых объектов в сознании говорящих с живыми существами) позволяют охарактеризовать категорию одушевленности / неодушевленности как интерпретативную.

Персонификация используется как стилистический прием, способствующий созданию образности авторского произведения за счет выхода за рамки классификаций, выстроенных в процессе первичной интерпретации. Например, денотат слова *bus* согласно первичной интерпретации относится к области артефактов, однако в следующем контексте он вторично интерпретируется как живое существо:

The bus stops, ingesting passengers [13]... / Автобус тормозит, глотает пассажиров [1]...

Персонификация также выступает как прагматическое средство выражения отношения говорящего к объекту. Употребление гендерного местоимения для отсылки к неодушевленному объекту сигнализирует о вовлеченности объекта в эмоциональную сферу говорящего:

'There's only one van like that in the whole world and she's mine and I love her.'

'Don't worry,' Vida said. 'I'll love it, too' [14]. /

– Хорошо, бери, только рули осторожнее. На всем белом свете это только один такой фургон – мой, и я люблю его.

– Не волнуйся, – сказала Вайда. – Я его тоже полюблю [4].

Употребление первым говорящим (владельцем фургона) гендерных местоимений вызвано привязанностью говорящего к объекту и отношению к нему как единственному в своем роде. Употребление нейтрального к категории одушевленности местоимения *it* вторым говорящим демонстрирует отстраненное отношение к объекту.

Наравне с явлением персонификации исследователи выделяют явление деперсонификации, проявляющееся в употреблении нейтрального местоимения *it* в отношении живых существ. Например:

The burglar broke into the house. It destroyed our furniture while stealing [17]. / Грабитель пробрался в дом. Во время кражи он сломал мебель (перевод авторов статьи. – Е. П., О. Т.).

Деперсонификация позволяет отобразить негативное отношение говорящего к референту местоимения *it*, образно говоря, нейтрализовать его гендер. Отмечается, что явление деперсонификации встречается реже, чем явление персонификации [15, р. 12].

2. Категория гендера

Традиционно считается, что в современном английском языке отсутствует категория рода, однако зарубежные лингвисты, используя термин *gender* в значении «род», утверждают, что в английском языке существует скрытая категория рода, выявляемая в соотношении определенных существительных с местоимениями *he* и *she*, а также их производными [23, р. 314]. Используя русскую терминологию, данную категорию можно обозначить как категорию гендера. Под гендером мы понимаем языковое маркирование биологического пола одушевленных существ [12, с. 148].

Кроме соотношения существительных с гендерными местоимениями, гендер может выражаться такими словообразовательными средствами, как словосложение (например, *boyfriend* (друг), *girlfriend* (подруга)) и суффиксация (*hostess* (хозяйка), *policeman* (полицейский)). Сема гендера также может присутствовать в значении простого по морфологическому составу слова (*husband* (муж), *lady* (леди)).

В XX-XXI вв. в свете развития движения политкорректности оформилась тенденция заменять существительные, эксплицитно выражающие категорию рода, нейтральными в этом отношении существительными (например, *chairperson* вместо *chairman* (председатель), *athlete* вместо *sportsman* (спортсмен)). Кроме того, исторически сложившаяся прономинализация имен общего гендера по мужскому гендеру столкнулась с феминистской критикой, в результате чего анафор *he* стали заменять сочинительными группами *he or she* или *she or he* [10, р. 176]. Однако со стилистической точки зрения такие группы получают негативную оценку, что иллюстрирует следующий пример:

Warming to his subject, exceeding his allotted twelve minutes, Smithers declares that The Child's "moral awareness" must be awakened by "responsible literature." The frictions and stresses of Our Contemporary World press hard upon The Child; he-or-she (Smithers, no doubt aware that the majority of his audience is female, has used this awkward pronoun throughout his talk) must be able to look to literature for guidance [22]. / Рассуждая на любимую тему, превысив установленные двенадцать минут, Смитерс провозглашает, что «нравственность» Ребенка необходимо пробуждать «ответственной литературой». Сложности и противоречия Современного Мира сказываются на Ребенке; «он или она» (Смитерс, видя, что в зале почти одни женщины, с самого начала использует эту неуклюжую уловку) должны обращаться за помощью к литературе [8].

Анафоры *he* и *she* также заменяются универсальным анафором *they*, способным отсылать к номинативному выражению в единственном числе во всех случаях, кроме конкретной определенной референции (т.е. *singular unisex they*) [10, p. 114-115]. Данной единице часто отдается предпочтение перед теми случаями, в которых имеется громоздкая аккумуляция местоименных форм (напр. *Everyone agreed that he or she should apply him or herself without delay to the task which he or she had been assigned* [19, p. 493]. / *Каждый согласился с тем, что следует незамедлительно приступить к выполнению порученного ему задания* (здесь и далее перевод авторов статьи. – Е. П., О. Т.)). Кроме того, в некоторых случаях используется попеременная прономинализация существительных немаркированного гендера (*child* (ребенок), *teenager* (подросток), *speaker* (докладчик; адресант), *hearer* (слушатель; адресат)) по мужскому и женскому гендеру (например, в текстах по детской психологии и педагогике, в текстах по лингвистике) [10, p. 177].

Размытость категории гендера в английском языке выражается не только в появлении нейтральных терминов для описания людей и нейтральной (или прагматической) прономинализации, но также и в прономинализации имен, обозначающих животных и неодушевленные предметы. Традиционно в грамматиках указывается, что для данных имен характерна нейтральная прономинализация, однако в узусе наблюдаются отклонения от этого правила.

Местоимения *he* и *she* активно используются для обозначения животных, к которым говорящий испытывает привязанность [27]. Кроме того, местоимение *he* может использоваться для указания на любое животное. Отмечается, что подобное употребление местоимения может быть связано с желанием говорящего подчеркнуть свое отношение к объекту как к разумному существу [9, с. 15], а также что оно отображает древнее противопоставление «он – оно» по критерию одушевленности референта [6, с. 171].

В устной диалектной речи отмечается так называемое нереферентное употребление местоимения *she* для указания на абстрактный денотат или же обозначения целой ситуации [20, p. 268]:

Start her off! / *Начинай!* (высказывание было произнесено перед началом выпечки блинов).

'How do you like it, Tim?' 'She's alright'. / *'Как тебе это, Тим?' 'Нормально'* (*it* и *she* обозначают ситуацию в целом).

В диалекте Ньюфаундленда (Канада) гендерные местоимения используются не только для указания на представителей мужского и женского пола, но и на неодушевленные объекты. При этом неподвижные объекты прономинализуются по мужскому гендеру, а подвижные – по женскому. Абстрактные сущности, обозначаемые неисчисляемыми существительными, прономинализуются с помощью нейтрального местоимения [27].

В диалектах области Уэст-Кантри (Великобритания) местоимения мужского гендера используются для обозначения всех исчисляемых существительных. Местоимения женского гендера используются исключительно для обозначения представительниц женского пола. Нейтральное местоимение *it* прономинализует неисчисляемые и абстрактные существительные [Ibidem].

Кроме того, существует ряд неодушевленных существительных, для которых характерна прономинализация по гендерному признаку в художественной литературе и фольклоре. Например, существительные *sun* (солнце), *wind* (ветер), *ocean* (океан), *river* (река), *fear* (страх), *love* (любовь), *death* (смерть) традиционно соотносятся с местоимениями мужского гендера, а существительные *moon* (луна), *nature* (природа), *hope* (надежда), *mercy* (милосердие) – с местоимениями женского гендера [5, с. 137]. Отмечается, что персонификация существительного по тому или иному гендеру мотивируется категорией рода в латыни (например, *love* = *he*, т.к. латинское существительное *amor* имеет мужской род) [27]. Представляется, однако, что на современном этапе, когда знания латинской грамматики являются прерогативой весьма ограниченной части англоязычного социума, этот тезис нуждается в уточнении.

Отсутствие в английском языке грамматической категории рода открывает возможность произвольного приписывания гендера тому или иному объекту в зависимости от целей говорящего. Авторская персонификация по гендерному признаку может основываться на реальных или мнимых качествах объекта, традиционно соотносимых с представителями мужского или женского пола. На приписывание гендера могут влиять оппозиции качеств (например, сильный – слабый, активный – пассивный), что иллюстрируют результаты эксперимента, в котором испытуемых просили определить, к какому гендеру относятся члены нескольких пар существительных (*knife/fork* (нож/вилка); *Ford/Chevrolet* (Форд/Шевроле); *salt/pepper* (соль/перец); *vanilla/chocolate* [25, p. 17] (ваниль/шоколад)). Практически единогласно испытуемые определили *knife*, *Ford*, *pepper* и *chocolate* как относящиеся к мужскому гендеру, а *fork*, *Chevrolet*, *salt* и *vanilla* – как относящиеся к женскому гендеру.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что сопряженные категории одушевленности / неодушевленности и гендера являются размытыми, интерпретативными категориями. Свойство размытости отражает системные характеристики рассматриваемого класса слов (личных местоимений) и вариантность их нормативных реализаций. В свою очередь, свойство интерпретативности отражает когнитивные, узуальные характеристики личных местоимений. Интерпретативность категорий одушевленности / неодушевленности и гендера обеспечивает их значительный стилистический и прагматический потенциал. Вариантная реализация категорий одушевленности / неодушевленности и гендера как в норме, так и в диалектах различных национально-территориальных вариантов современного английского языка, а также в различных функциональных стилях свидетельствует о высокой степени адаптивности данных категорий к социальным и индивидуальным потребностям представителей англоязычного социума. Как показывают яркие примеры окказиональных реализаций данных категорий в художественном тексте, интерпретативность стимулирует когнитивные процессы, создавая предпосылки для креативной речевой деятельности говорящего.

Список источников

1. **Аткинсон К.** Человеческий крокет [Электронный ресурс]: роман / пер. с англ. А. Грызуновой. URL: http://readme.club/books/189_chelovecheskiy-kroket.pdf (дата обращения: 23.12.2017).
2. **Болдырев Н. Н.** Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1 (42). С. 5-12.
3. **Болдырев Н. Н.** Интерпретирующий фактор языка в познании и коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. 29. С. 40-48.
4. **Бротиган Р.** В арбузном сахаре: романы, рассказы / пер. с англ. А. Грызуновой и др. СПб.: Азбука-классика, 2002. 379 с.
5. **Гуревич В. В.** Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2003. 168 с.
6. **Кравченко А. В.** Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2004. 206 с.
7. **Лингвистический энциклопедический словарь** / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
8. **Лури Э.** Иностранные связи [Электронный ресурс]: роман / пер. с англ. М. Извековой. URL: <https://ruslib.net/read/b/802> (дата обращения: 23.12.2017).
9. **Николаева Н. Н.** Гендерный аспект местоименной референции: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2008. 28 с.
10. **Петрова Е. С.** Очерк сопоставительной типологии английского и русского языков. Грамматическая норма и варианты. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 424 p.
11. **Петрова Е. С.** Принцип *Notog Aequi* в английской грамматике // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Вып. 3. С. 109-118.
12. **Петрова Е. С.** Сопоставительная типология английского и русского языков. Грамматика. М.: Академия, 2011. 365 с.
13. **Atkinson K.** Human Croquet [Электронный ресурс]: A Novel. URL: <https://books.google.ru/books?id=6KR3VEkLTFoC&pg=PP1&hl=ru&pg=PA128#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 23.12.2017).
14. **Brautigan R.** Revenge of the Lawn; The Abortion; So the Wind Won't Blow It All Away [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=KcuhP7_3-4gC&pg=PP1&hl=ru&pg=PT282#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 23.12.2017).
15. **Corbett G.** Gender. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 363 p.
16. **Dahl Ö.** Animacy and the notion of semantic gender [Электронный ресурс]. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.39.2190&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 23.12.2017).
17. **English Historical Linguistics 2006: Syntax and Morphology** [Электронный ресурс]: Selected Papers from the Fourteenth International Conference on English Historical Linguistics. URL: <https://books.google.ru/books?id=pqY5aMRoWJoC&pg=PR1&hl=ru&pg=PA105#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 23.12.2017).
18. **Hinrichs L., Szmrecsanyi B.** Recent Changes in the Function and Frequency of Standard English Genitive Constructions: A Multivariate Analysis of Tagged Corpora [Электронный ресурс]. URL: https://web.stanford.edu/~bresnan/LabSyntax2006/week6/Hinrichs_Szmrecsanyi_ELL.pdf (дата обращения: 23.12.2017).
19. **Huddleston R., Pullum G. K.** The Cambridge Grammar of the English Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 1842 p.
20. **Kortmann B.** A Comparative Grammar of British English Dialects: Agreement, Gender, Relative Clauses. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005. 371 p.
21. **Kreyer R.** Genitive and Of-Construction in Modern Written English. Processability and Human Involvement [Электронный ресурс]. URL: http://www.sjsu.edu/faculty/hahn.koo/teaching/ling115/papers/kreyer_2003.pdf (дата обращения: 23.12.2017).
22. **Lurie A.** Foreign Affairs [Электронный ресурс]: A Novel. URL: <https://books.google.ru/books?id=3AWq6glmIO4C&pg=PP1&hl=ru&pg=PT338#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 23.12.2017).
23. **Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.** A Comprehensive Grammar of the English Language. L.: Longman, 1985. 1792 p.
24. **Rosenbach A.** English Genitive Variation – the State of the Art // English Language and Linguistics. 2014. Vol. 18. Iss. 2. P. 215-262.
25. **Simon S.** Gender in Translation. L.: Routledge, 1996. 208 p.
26. **Snider N., Zaenen A.** Animacy and Syntactic Structure: Fronted NPs in English [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hlp.rochester.edu/~nsnider/pubs/snider%2Bzaenen,animacy,2006.pdf> (дата обращения: 23.12.2017).
27. **Wagner S.** Gender in English Pronouns: Myth and Reality [Электронный ресурс]. URL: <https://freidok.uni-freiburg.de/fedora/objects/freidok:1412/datastreams/FILE1/content> (дата обращения: 23.12.2017).

**THE CATEGORY OF ANIMATENESS/INANIMATENESS AND GENDER IN THE ENGLISH LANGUAGE:
MEANS OF EXPRESSION, PROPERTIES OF INTERPRETATIVENESS AND BLURRINESS**

Petrova Elena Serafimovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Tokareva Ol'ga Vladimirovna
Saint Petersburg University
saint-petelena@mail.ru; ov-tokareva@mail.ru

The article analyzes the functioning of the categories of animateness/inanimateness and gender in modern English in terms of the means and forms of their expression. The absence of clear boundaries between classes of words marked with meanings of animateness and/or gender, and variable marking of nouns with these meanings depending on the stylistic or pragmatic purpose of the speaker, as well as on his/her sociocultural characteristics, allow one to conclude that categories of animateness and gender have such properties as interpretativeness and blurriness.

Key words and phrases: English; animateness; gender; norm; usage; interpretation; personification.